

16. Чубайс А.Б. «Представление о справедливости у народа мы сломали ваучерной приватизацией» // Авен П.О. Революция Гайдара: История реформ 90-х из первых рук. М.: АЛПИНА ПАБЛИШЕР, 2013. С. 79-112.

17. Экспертная комиссия: Учебник Вдовина-Барсенкова может быть использован в обучении только после исправления недостатков // URL: <http://old.memo.ru/d/2201.html>

18. Ясина И.Е. Тот самый учебник // URL: <http://yasina.livejournal.com/543591.html>

УДК 177

В.Н. Сыров*

РАЗДЕЛЯЕМАЯ ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

В статье рассматриваются перспективы и трудности в создании разделяемых историй. Анализируются преимущества и недостатки доминирующих подходов в решении конфликта интерпретаций. Утверждается, что призыв опираться на факты зачастую основан на упрощенном понимании природы исторического познания, а тезис о правомерности мультиперспективности не учитывает контекста формирования таких нарративов. Обсуждается продуктивность такого нарративного формата, как жанр трагедии для создания разделяемых историй.

Ключевые слова: историческая память; историческое знание; историческая ответственность; разделяемая история; идентичность.

Как показывает практика, тема войн памяти не утрачивает своей актуальности. Не обошла она стороной и отечественные просторы. Более того, постсоветское пространство демонстрирует самые разнообразные формы таких войн: от версий прошлого, создаваемых новыми государствами, возникшими на территории быв-

* © Сыров Василий Николаевич (narrat@inbox.ru), доктор философских наук, профессор, философский факультет, Томский государственный университет.

** Публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-01100658 «Травмы исторической памяти в сетевом обществе: медиарепрезентации, социальные риски и стратегии детравматизации».

шего СССР, до национальных историй внутри Российской Федерации. Но конфликты интерпретаций носят не только межнациональный характер. Классовые, политические, поколенческие, культурные различия создают не менее, если не более непримиримые версии прошлого. Примечательно, что речь идет не только о событиях недавней истории (Второй мировой или Гражданской войны), но и о событиях, давно канувших в прошлое.

Что касается первых, то, как отмечает Оксана Головашина, характеризуя характер осмысления одного из таких событий Гражданской войны, а именно «антоновщины», теперь «вместо “мятежа” антоновщина осмысляется в контексте аграрной революции, крестьянской революции, “Большого Восстания”». Однако необходимо заметить, что распространение терминов “народное сопротивление”, “антибольшевистское движение”, “крестьянское повстанчество”, частично перешедших в современные работы из дискурса Гражданской войны, эмигрантской историографии и западных публикаций, оказывается не столько следствием современного переосмысления исследуемых событий, но и показателем смены политической конъюнктуры. Если в советской историографии доминировали негативные оценки восстания, то в современных публикациях негатив, в основном, на стороне тех, кто подавлял антоновщину, – сегодня довольно мало качественных работ, в которых авторы смогли удержаться от однобоких эмоциональных оценок. Несмотря на довольно обширную современную историографию и расширение предметного поля, приходится констатировать, что зачастую осмысление событий заменяет смена одной мифологемы на другую» [3, с. 106-107]. Что касается вторых, то характерным примером можно считать трактовку взятия Казани войсками Ивана Грозного в 1552 г. Данное событие в работах Александра Овчинникова даже трактуется как историческая травма. По его словам, «возможность использования исторической “травмы 1552 г.” в политической коммуникации является главной причиной последовательной и систематической актуализации событий 467-летней давности» [2, с. 343].

В исследовательской литературе статус расхожего тезиса приобрело утверждение об истории как неотъемлемой части формирования идентичности. Соответственно, функция такой истории заключается, как правило, в создании благоприятного образа «Мы». Как отмечает Овчинников, «ассоциация народа с живым человеком, поиски “души народа”, конструирование его “исторического

пути”, на котором находится место и для трагических событий, представления об этничности как главной составляющей личности способствуют легкому переходу отвлеченно-коллективного в индивидуальное» [2, с. 345]. Головашина указывает, что «разговор об антономии таким образом оказывается для жителей региона осмыслением собственной идентичности, выбором между тем, считать себя потомками “бандитов” или “героев”. Значимость темы, полярность оценок мешает дискуссии о событиях почти столетней давности» [3, с. 110-111]. Связь истории и идентичности, видимо, можно считать решающим фактором в порождении столь конфликтных истолкований прошлого. Обращение к этому обстоятельству не случайно и обусловлено отнюдь не чисто исследовательским интересом. Выявление такой связи позволяет определить, с какими форматами представления прошлого предстоит столкнуться и чем обусловлены такие форматы.

В современной литературе можно столкнуться с утверждением о позитивности многообразия трактовок прошлого. Представляется, что такое утверждение требует прояснения. Если речь идет о работе профессионального сообщества, то резонно полагать, особенно в свете эпистемологии, тяготеющей к конструктивизму, что иметь всего лишь одну теорию значит не иметь ни одной. Понятно, что отрицание смысла апелляции к внелингвистическому референту предполагает другой способ проверки весомости выдвигаемых суждений или теорий, а именно соотнесение их друг с другом. При таком подходе разнообразие и многообразие приобретает ценность, а конкуренция становится необходимой чертой нормального функционирования научного сообщества. Но представляется, что конфликт интерпретаций в сфере социальной практики имеет совершенно иной смысл и вряд ли свидетельствует о нормальности социального бытия. Здесь ценностью является, скорее, достижение консенсуса.

Если это так, то задачей социальной практики становится поиск форм и способов согласования различных представлений о прошлом. На этом этапе наших рассуждений стоит выдвинуть еще один тезис. Поскольку речь идет о социальной практике, то в этой сфере правомернее говорить не о знании, а о памяти. Однако стоит подчеркнуть, что память современного человека формируется не столько посредством передачи воспоминаний от поколения к поколению, сколько посредством образования и СМИ. Более того, можно предположить, что и сами воспоминания пропитаны ин-

формацией, почерпнутой в системе образования или масс-медиа. Вопрос о том, как конкретно обстоят дела у различных возрастных и социальных групп, является, конечно, делом социологического исследования. Но рискуем утверждать, что общей теоретико-методологической рамки описания современного человека это принципиально не меняет.

Но тогда резонно утверждать, что исходным источником формирования представлений о прошлом становятся знания, получаемые профессиональным сообществом. Это не означает, конечно, что память современного человека онаучена. Напрямую профессиональное сообщество никогда не влияло и вряд ли будет влиять на массовые представления. Но, тем не менее, вряд ли можно представить себе иной влиятельный источник формирования представлений современного человека. Даже различные паранаучные или околонаучные идеи сегодня формируются обычно как реакция на деятельность научного сообщества.

Вышеприведенные рассуждения были предназначены показать, что первым этапом достижения общественного консенсуса является достижение согласия среди профессионального сообщества. Продукт достижения такого согласия получил название «разделяемых историй». Как отмечает бельгийский исследователь Бербер Бевернейдж, это понятие идет в связке с понятиями исторического диалога и исторического примирения [5, р. 71-73], и, добавим к этому, может считаться развитием идей политики сожаления, поскольку любой диалог такого рода предполагает (во многих случаях взаимное) признание несправедливости, осуществленной по отношению к другим. Нет нужды подробно останавливаться на обсуждении эффективности разделяемой истории. Бесспорно, что даже преодоление конфликта интерпретаций событий давней и недавней истории и достижение согласия среди историков вряд ли явится определяющим условием преодоления социально-экономических, политических и культурных конфликтов и противоречий. Это прекрасно понимает цитируемый нами автор. Но, тем не менее, свой вклад в разрешение существующих проблем разделяемая история может внести, особенно если мы отталкиваемся от представленных выше утверждений о характере формирования памяти современного человека. Поэтому сосредоточимся на тех внутренних трудностях, которые могут быть связаны с реализацией данного проекта.

Тот же Бевернейдж намечает ряд стратегий в реализации этого проекта. С некоторой долей упрощения их можно свести к такой альтернативе: с одной стороны, убеждение в том, что опора на научно доказанные факты и соответственно на создание нарратива, нацеленного на получение истины, позволит преодолеть субъективность различных версий прошлого, представленных оппозиционными сторонами; с другой стороны, ориентация на мультиперспективы, предполагающая равноправие и легитимность нарративов, предложенных различными сторонами конфликта [5, р. 75-76].

Начнем с утверждения, что представленные альтернативы, которые автор называет позитивистской и постмодернистской, можно охарактеризовать как две стороны одной медали. С одной стороны, это вера в неустранимую истинность фактов, с другой стороны – вера в равноправие интерпретаций. Так или иначе они разделяют одну и ту же версию познания, которая явно или неявно предполагает иерархию относительно независимых друг от друга исследовательских процедур: сначала ищутся факты, а потом они подвергаются интерпретации. Но уже со времен Коллингвуда известно, что исторический источник сам по себе фактом не является. Факт становится следствием совокупности исследовательских процедур, включающих в себя гипотезу той или иной степени общности и отрефлексированности, ее направленность на интерпретацию более или менее обширного круга источников и т.д. С точки зрения такого подхода любое знание является интерпретацией, а факт – следствием конвенций сообщества по поводу предпочтительности той или иной интерпретации. Понятно, что никаких аналогов с работой памяти такая структура познания не имеет. Добавим при этом, что тезис о возможности многообразия интерпретаций одних и тех же фактов стоит рассматривать как наследие того же позитивистского подхода к познанию.

Тогда резонно предположить, что диалог интерпретаций в сфере исследовательской деятельности трудно представим. Не очень понятно, что может быть основанием для него. Если такое основание находится за пределами правил и норм, принятых в профессиональном сообществе, то оно вне компетенции исследователей. Если внутри, то должно считаться со всеми теми процедурами аргументации, что приняты в сообществе. Тогда поле совместного обсуждения может измениться. Речь должна идти о терпимости к многообразию и разнообразию вводимых в оборот источников и к принятию гипотезы, способной их непротиворечиво связать. Навер-

ное, это и есть диалог как форма современного стремления к истине, которое работает, если, конечно, налицо есть воля к ней. С этой точки зрения, мультиперспективность версий следует считать не финалом, а началом диалога как в сфере познания, так и за ее пределами. Резонно, что первоначально нужно выслушать мнение друг друга, чтобы выявить, так сказать, реальные болевые точки.

Бевернейдж справедливо пишет о политическом значении или подтексте таких проектов исторического примирения [5, р. 71-73]. Он отмечает, что оно может быть весьма различным: от требования справедливости до «моральной победы». Эти тонкости важны для выработки путей, форм и особенностей осуществления исторического диалога. Но существенный момент заключается также в необходимости учитывать социально-культурный и политический контекст формирования и функционирования существующих нарративов. Автор недаром отмечает, что на этом пути следует учитывать различие между интерпретациями и манипуляциями для тех или иных идеологических и политических целей. Грань между ними достаточно тонка, поскольку искреннее убеждение в весомости той или иной интерпретации может сделать ее весьма удобной для негативной инструментализации.

Помимо многообразия внешних факторов, влияющих на этот процесс, обратим внимание на фактор, связанный с взаимодействием знаний и ценностей. Бевернейдж правомерно указывает на одну особенность исторических нарративов, а именно (в его терминологии) частую подмену истины аутентичностью [5, р. 83]. Иначе говоря, зачастую исторические нарративы фактически оказываются нарративами о собственной идентичности, которые соответствующим образом сортируют, организуют и интерпретируют совокупность свидетельств. Понятно, что поданная таким образом история обычно носит линейный, непрерывный, последовательно-поступательный характер, где прошлое подготавливает настоящее и плавно перетекает в него. Неважно, повествует ли она о лишениях или победах, важно, что персонажи прошлого предстают предками, а наши современники – потомками, берущими на себя ответственность за деяния предков. Проблема в том, что авторы исторических нарративов могут об этом забывать и полагать, что они оперируют «объективными» фактами. Поэтому первоочередной задачей в реализации исторического диалога и исторического примирения должно стать повышение рефлексивности по поводу скрытых контекстов формирования собственных историй. Это то, что

Даниэль Леви назвал «самосознающими нарративами». Очевидно, если нарративный формат конституирован задачей обоснования идентичности, то создание разделяемой истории обречено на провал еще до своего начала.

Нет нужды ломиться в открытую дверь, настаивая на невозможности создания истории, свободной от ценностей. Как отмечал Франклин Анкерсмит, политические и моральные ценности, напротив, часто являются тем путем, на котором историческая истина может себя выразить [4, р. 4-5]. Но от некоторых форм связи истории и ценностей освободиться стоит. Если мы полагаем, что история (или истории) есть нечто, что завершилось, или есть серия (серии) завершений, то резонно предположить, что не она (они) уже определяет нас. Поэтому одна из задач историка как раз и заключается в его способности освободить нас от власти тех или иных вещей, показав, что они уже являются (стали) прошлым. Хотя нет надобности отрицать, что иногда необходима и обратная процедура.

Что подразумевает тезис о превращении в историю? Прежде всего, что стремление использовать историю для обоснования тех или иных аспектов современности, оправдания тех или иных притязаний, определения собственной идентичности всегда проблематично тем, что стирает грань между знанием и мифом. Такой путь губителен как для истории, так и для современности. Алейда Ассман отмечает, что политика раскаяния зачастую трактуется как необходимость взять на себя ответственность и за темные страницы прошлого [1, с. 133]. Бесспорно, что отношение между агентом действия и ответственностью за действие не является эквивалентным и симметричным. Ответственность за исправление последствий могут брать на себя и те, кто соответствующее действие не совершал. Но представляется, что в случае отношения к истории подход может (и даже должен) быть другим. Резонно утверждать, что нет необходимости брать на себя ответственность за историческое прошлое само по себе, просто потому что такой путь грешит его натуралистическим пониманием или верой в «реальность» именно такого прошлого. Но мы можем и должны взять на себя ответственность за знание о прошлом, и именно это знание должно быть разделяемым членами сообщества.

Ответственность за такое знание, с одной стороны, включает в себя ответственность за другого, которая проявляется в праве предоставить голос тем, кто по разным причинам не мог быть ус-

льшан в прошлом. Но задача такой ответственности не только в том, чтобы эксплицировать как можно больше голосов для воздания справедливости. Задача скорее в том, чтобы создать (или принять в случае памяти) рамку, обеспечивающую условие для слышимости актуальных и потенциальных голосов и трактовки смысла истории как ограничения насилия по отношению к ним. Причем следует отметить, что такая ответственность носит не только (и даже не столько) моральный, но и эпистемологический характер. На традиционном языке это можно было бы назвать стремлением к истине. Но, с другой стороны, ответственность за знание включает в себя способность освободиться от давления определенных форматов идентичности. Йорн Рюзен в свое время отметил, что «никто не может быть нейтральным, когда твоя собственная идентичность ставится под вопрос» [7, р. 128]. Но если мы понимаем, что ничем не обязаны «самой» истории и она ничем не обязана нам (когда полагаем, что прошлое существует для нас только в формах знания о нем), то такое понимание облегчает освобождение от форм знания, страдающих перегруженностью мифами, стереотипами, идеологемами и т.д. (вернее, облегчает превращение того, что считалось знанием, в мифы).

Отдельный вопрос, конечно, заключается в определении приемлемых форм идентичности. Но это скорее уже следствие, хотя и одновременно условие продуктивного исторического диалога. Как отмечает Леви, для тех, кто признает разрывы в прошлом, выбор идентичности уже определяется не существующими непрерывностями, а информированными предпочтениями [6, р. 28]. Но в целом резонно предположить, что данный путь формирования ответственности облегчает возможность выработки разделяемых историй.

В финале своих рассуждений Бевернейдж правомерно указывает на необходимость соответствующей философии истории для обеспечения продуктивности разделяемых историй. Иначе говоря, необходим формат трактовки прошлого, который в эпистемологическом плане мог бы непротиворечиво включить в себя разнообразие, многообразие и кажущуюся альтернативность эмпирического материала, а в моральном плане — обеспечить условия для взаимного признания и диалога. Возможно тогда, что единственное, чем история может помочь, так это обеспечить нас опытом (если, конечно, есть воля его понять и принять). Возможно также, что для разделяемых историй такой опыт может быть прочитан весьма определенным образом, о чем и пишет наш автор. В этом плане идеи

Хайдена Уайта об архетипических сюжетных структурах могут получить второе дыхание [5, р. 83]. Речь идет о совместной трактовке конфликтного прошлого как трагедии. Важный аспект трагического прочтения прошлого заключается в способности этого формата вывести мысль за пределы простого однозначного распределения позиций исторических агентов (актеров, персонажей) на правых и неправых. Если обратиться к эпистемологическому аспекту формата опыта и формата трагедии, то резонно утверждать, что они обеспечивают вполне приемлемую рамку для включения в себя самых разнообразных и внешне противоречивых исторических свидетельств. В то же время они обеспечивают связь эпистемологии и этики, ведь формирование памяти не может являться (да и не является) простым заполнением пустой формы суммой фактов.

В финале наших рассуждений стоит оговориться, что выдвигаемые выше положения касаются именно исторического прошлого. Но не всякое прошлое относится к истории. Часть его остается частью настоящего. Встает вопрос: кто проводит такую демаркационную линию? Резонно предположить, что сообщество историков или сообщество интеллектуалов в целом. Но столь же резонно допустить, что к прошлому, остающемуся частью современности, правомерен совсем иной подход.

И наконец, в том, что касается обсуждения путей преодоления конфликтов интерпретаций, конечно, решающее слово остается за практикой. Тот же Бевернейдж справедливо указывает, что сведение причин конфликтов к конфликту различных версий исторического прошлого только отвлекает внимание от других, скорее всего, более существенных причин [5, р. 81]. Но, тем не менее, даже практика нуждается в наличии хороших инструментов для решения задач. Поэтому продуктивные пути обсуждения дискуссий в области исторических представлений способно внести свой вклад в этот процесс.

Библиографический список

1. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.

2. Васина В.В., Овчинников А.В. Проблема исторической травмы: этнического сознания (постановка проблемы) // «Прошлое»: теория и практика (де)конструирования в научном и политическом дискурсах: Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Казань, 22–23 ноября 2019 г. / Отв. ред.

А.В. Овчинников. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. С. 341-347.

3. Головашина О.Г. Между достоверностью и идентичностью: преподавание истории антоновщины в тамбовских школах // Преподавание военной истории в России и за рубежом: Сб. ст. Вып. 2 / Под ред. К. А. Пахалюка. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 104-117.

4. Ankersmit F.R. In Praise of Subjectivity // The Ethics of History / Ed. by David Carr, Thomas R. Flynn and Rudolf A. Makkreel. Northwestern University Press, 2004. P.3-26.

5. Bevernage B. Narrating Pasts for Peace? A Critical Analysis of Some Recent Initiatives of Historical Reconciliation through 'Historical Dialogue' and 'Shared History' // The Ethos of History. Time and Responsibility / Ed. by St. Helgesson and J. Svenungsson. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2018. P.71-93.

6. Levy D. Changing Temporalities and the Internationalization of Memory Cultures // Memory and the Future: Transnational Politics, Ethics and Society / Ed. by Y. Gutman, A.D. Brown, A. Sodaro. Palgrave Macmillan, 2010. P.15-30.

7. Rüsen J. How to Overcome Ethnocentrism: Approaches to a Culture of Recognition by History in the Twenty-First Century // History and Theory. 2004. Vol. 43. № 4. P. 118-129.

УДК 930.1

Л.С. Тимофеева, Н.А. Федорова*

РЕАЛИИ ИСПОЛНЕНИЯ ИСТОРИКОМ СОЦИАЛЬНОГО ЗАКАЗА (ИЗ ОПЫТА ПОДГОТОВКИ ЮБИЛЕЙНЫХ ИЗДАНИЙ)

В статье рассматривается актуальная проблема реализации социального заказа в современных условиях коммерциализации истории. На основе собственного опыта написания историй промышленных предприятий, приуроченных к юбилейным датам, авторы выявляют острые вопросы взаимоотношений заказчиков издания и профессиональных историков.

Ключевые слова: история; социальный заказ; промышленность; информация.

* © *Тимофеева Людмила Сергеевна* (lyutim77@yandex.ru), кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирного культурного наследия, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Федорова Наталия Анатольевна (nfdodoro@yandex.ru), кандидат исторических наук, доцент.